

А больше всего его пугало то, что Янь Хан знал: дяде Яню, возможно, нанесли рану, а его отцу — нет. Трое участников событий: один погиб, один ранен, а третий... цел и невредим. Чу И стоял за деревом, и при одной этой мысли его охватывала такая паника, что ноги подкашивались, и приходилось опираться на ствол. Последние дни превратились в пытку: он два дня не ходил в школу, дома творился суший хаос, об отце не было ни слуху ни духу — он словно испарился и не выходил на связь. Мама целыми днями сидела на диване, безучастно глядя в одну точку, а бабушка без умолку ругалась, цепляясь к каждому встречному и затеявая ссоры при каждом выходе из дома.

Но слухи, ползавшие снаружи, были куда страшнее домашней обстановки. Отец стал местной версией сюжета «не злите тихоню». Казалось бы, безобидный человек, а прижми его к стенке — и готов пустить в ход нож: одного прирезал, другого ранил. Расследование еще не сдвинулось с мертвой точки, а Чу И уже успел превратиться в «сына убийцы». Его WeChat, где раньше сообщения появлялись только от Янь Хана, внезапно ожил: каждый день одноклассники наперебой добавляли его в друзья. Ощущение того, что тебя насильно выставили на всеобщее обозрение, было таким, словно он стоял в прозрачной герметичной пароварке. Никто не хотел слушать, что он говорит, да никто и не прислушивался — лишь нарастающее, удушающее давление со всех сторон.

Он бросил взгляд на окно квартиры Янь Хана напротив. После того как ушли полицейские, в доме стояла мертвая тишина. Да и что такое «движение»? Лишь свет в окнах да тени, скользящие по шторам. Сегодня до девяти вечера лампы так и не зажглись. Чу И это до смерти тревожило. Янь Хан уже несколько дней не выходил на улицу, и Чу И не понимал, в каком тот состоянии, ел ли он вообще что-нибудь. Лишь по свету в окне он мог судить, что Янь Хан дома и передвигается по квартире. Больше он не знал ничего.

Но связаться с Янь Ханом он не решался. А вдруг и Янь Хан, подобно всем остальным, думает, что его отец — убийца? Чу И, прижавшись к дереву, выставил один глаз и продолжил наблюдать за окном, сжимая в кармане брюк маленького металлического человечка-монетки. Настоящий маньяк-сталкер. К счастью, сейчас на улице было пусто, и никто не замечал, что он каждый вечер приходит сюда стоять в засаде.

К половине одиннадцатого Чу И не выдержал. Он помчался в круглосуточный супермаркет довольно далеко от дома, где его никто не знал. Двести юаней, что дала ему тётушка, он не трогал, а сейчас всё потратил: набрал целую гору еды — сладости, сосиски, закуски, несколько коробок саморазогревающегося риса. Он хотел еще купить сигареты, которые обычно курил Янь Хан, но, узнав цену, понял, что они слишком дорогие для него, и взял только две пачки. С этим пакетом он прибежал обратно.

Убедившись, что поблизости никого нет, он перебежал улицу и оказался у двери Янь Хана. Внутри ни звука. Конечно, он не осмеливался подойти слишком близко, боясь, что его заметят. Затаив дыхание, он осторожно подкрался, решив метнуться к двери, оставить пакет, постучать и тут же удрать. Прокрутив этот план в голове несколько раз, он на цыпочках бросился вперед.

Только он наклонился, чтобы поставить пакет, как замок щелкнул. У Чу И в голове словно взорвалась бомба, кровь ударила в виски. Бросив пакет, он развернулся и бросился наутек. Пробежал не больше пяти шагов, как кто-то пинком отправил его в полет. Он споткнулся, и не успел упасть, как чья-то рука схватила его за плечо и дернула назад.

— Ты чего бежишь? — голос Янь Хана звучал хрипло.

— Н-не знаю, — Чу И обернулся и, разглядев в тусклом свете уличного фонаря изможденное лицо Янь Хана, почувствовал, как к горлу подкатил ком.

— С такой реакцией в воры тебе точно путь заказан, — Янь Хан отпустил его.

— М-можно грабить... на большой дороге, — отозвался Чу И.

— Иди лучше собирай дань у детского сада, — усмехнулся Янь Хан.

— Угу, — кивнул Чу И.

В улыбке Янь Хана была такая усталость, что стоило Чу И взглянуть на него, как он не выдержал — слезы брызнули из глаз. Хлынули, будто прорвало плотину. Янь Хан молчал и не двигался, просто стоял и смотрел, как тот плачет. Чу И не хотел плакать, особенно сейчас, на глазах у Янь Хана, но слезы, как и глупый смех — если уж начали, остановить их не так-то просто. Наконец, он стиснул зубы и заставил себя остановиться. От натуги, с которой он пытался подавить рыдания, заныли все мышцы тела. Он опустил голову и вытер глаза краем одежды.

Янь Хан цокнул языком.

— П-прости, — Чу И разжал кулак и снова потер глаза рукавом. Стоило ему это произнести, как слезы полились с новой силой. Он редко плакал: когда его били, ругали или травили, он терпел, максимум жаловался дуплам деревьев, и всё плохое со временем забывалось. Но сейчас... обида, подавленность, страх, тревога — всё это навалилось разом.

— Иди в дом, там и реви, — Янь Хан хлопнул его по голове, подхватил пакет и скрылся в квартире.

Чу И замялся, но всё же последовал за ним. Всего несколько дней он не был здесь, но эта комната, которая всегда казалась ему такой уютной и надежной, будто изменилась. Вещи остались на своих местах, кроме небольшого беспорядка на журнальном столике да осевшей пыли, всё было как прежде, но атмосфера стала иной. Какой-то мрачной и холодной.

— Что купил? — Янь Хан поставил пакет на стол и заглянул внутрь.

— Еду, — Чу И вытер глаза и подошел ближе. — Ты, н-неужели вообще н-ничего не ел?

— Не голоден, — ответил Янь Хан.

— Это вкусно, поешь, — Чу И достал коробку риса с тушеным мясом. — Я ел, о-очень вкусно.

— Вот как? — Янь Хан скептически осмотрел упаковку.

Когда в комнате зажегся свет, Чу И заметил, как сильно за эти дни похудел Янь Хан — его подбородок стал острым.

— П-поешь хоть немного, — он склонил голову, изучая инструкцию на коробке. Это блюдо стоило 18 юаней — настоящая роскошь, он и сам такого никогда не пробовал. — Я посмотрю, как его готовить.

— Деревенщина, — Янь Хан отобрал у него коробку.

Когда от контейнера пошел пар, холод в комнате немного отступил, но серые тона никуда не

делись. Чу И молча сидел на стуле у журнального столика и смотрел, как Янь Хан ест. Тот ел очень медленно, тщательно пережевывая каждый кусочек. Чу И очень любил этот рис, когда-то тётушка водила его в кафе — он съел целых две порции. И хотя эта еда была не из ресторана, пахла она изумительно. Но даже от такой вкусной еды Янь Хан отвык, проглатывая ее с трудом — аппетита у него не было. Наверное, ест только из вежливости к нему.

— Будешь воды? — тихо спросил Чу И.

— Угу, — Янь Хан взглянул на него.

Он взял кружку Янь Хана, налил воды, поставил на столик и сел обратно. Янь Хан порылся в пакете, достал пачку нори и повертел в руках:

— Сразу видно — ребенок выбирал.

— Н-нет, — Чу И улыбнулся. — Сразу видно, что выбирали д-для р-ребенка.

Янь Хан вскрыл упаковку, положил пару листочков в рот, а остальное протянул ему. Чу И взял один, зажал губами и начал понемногу откусывать. Ему хотелось о чем-то поговорить, но подходящих слов не находилось. Янь Хан продолжал молча жевать, не произнося ни звука. Возможно, он и вовсе не хотел с ним разговаривать.

Наконец, закончив с едой, Янь Хан отложил контейнер и указал на него пальцем:

— Сиди.

— Ой, — Чу И, который уже было приподнялся со стула, послушно сел обратно.

— Со мной всё в порядке, — сказал Янь Хан. — Не беспокойся обо мне, лучше со своими домашними делами разбирайся.

Сердце Чу И дрогнуло.

— Мне... н-не с чем р-разбираться, — он опустил голову и вздохнул.

— Ну да, — Янь Хан закурил. — Никаких новостей пока нет.

— Янь Хан, — позвал его Чу И. — Я...

Янь Хан повернулся.

— Мой отец... он, мой отец, он, он, он... — Чу И чувствовал, что чем труднее ему давались слова, тем сильнее он заикался. — Н-ну, в-в общем, мой отец...

— У него духу бы не хватило, — отрезал Янь Хан.

— А? — Чу И опешил.

— Иди домой, — сказал Янь Хан. — Выспись как следует, занимайся своими делами. Твой отец сбежал, а тебе что, жизнь заканчивать?

Чу И смотрел на него и молчал.

<http://bllate.org/book/18095/1747651>